

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А.В. Макурова

СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ЗНАЧЕНИЕ» В РАННИХ РАБОТАХ М. ХАЙДЕГГЕРА

Макурова Александра Владимировна – аспирантка Фрейбургского университета имени Альберта и Людвиг. Albert-Ludwigs-Universität Freiburg. Bundesrepublik Deutschland, 79098, Freiburg, Friedrichstr. 39; e-mail: alexandra.makurova@gmail.com

В данной статье анализируется развитие взглядов М. Хайдеггера на проблему значения и рассматриваются трактовки понятия «значения», предшествовавшие концепции значения, сформулированной в ранних лекционных курсах. Проблема смысла, которая ставится уже в диссертации 1913 г. о суждении в психологизме, претерпевает концептуальные изменения в конце 10-х – начале 20-х гг. Если прежде Хайдеггер в контексте критики психологизма осмыслял понятие «значение» с позиций чистой логики, то к началу 1920х гг. он вносит значительные изменения в трактовку феноменологического метода, что сказывается также на его понимании значения. От трактовки значения как логической формы суждения, в которой выражается значимость (Geltung) некоторого положения дел для говорящего, Хайдеггер переходит к концепции значения как доязыкового опыта взаимодействия с предметами, включенными в конкретные обстоятельства жизни. Попытка Хайдеггера последовательно выполнять феноменологическое требование беспредпосылочности приводит его к выводу о том, что подлинная беспредпосылочность может быть найдена в опыте обыденной жизни. Фактическая жизнь – это и есть искомый модус непосредственного доступа к значению. Так предложенная Хайдеггером оригинальная трактовка феноменологического метода приводит к альтернативной концепции значения.

Ключевые слова: значение, смысл, феноменология, феноменологическая герменевтика, Хайдеггер, Гадамер, философская герменевтика

Что собой представляет философская герменевтика и не приходится ли говорить о конце этой дисциплины? Этими вопросами задается М. Гессманн в своей статье «О будущем герменевтики»¹. В качестве аргументов он ссылается на такие работы, как «Постгерменевтика» (2010) Д. Мерша, «Смысл и не-смысл» (2010) Э. Ангерна и «Предметность» (2006) Г. Фигалья. В случае Мерша автор статьи видит попытку преодолеть герменевтику, в то время как работы Ангерна и Фигалья носят, с его точки зрения, систематический характер, а значит, подводят некоторый итог развитию герменевтики². Во-

¹ Gessmann M. Zur Zukunft der Hermeneutik // Philosophische Rundschau. 2010. Bd. 57. S. 133.

² Ibid. S. 134–135.

прос о том, являются ли эти работы свидетельством конца герменевтики или же, скорее, представляют собой очередной виток в развитии дисциплины, остается открытым. Однако однозначно можно утверждать, что тенденция возвращения к философско-герменевтической проблематике, и в частности, к трактовке смысла как недискурсивно выраженного опыта делают необходимым прояснение истоков этих идей.

Специфический способ определять значение и смысл как опыт в современной герменевтике берет свое начало в феноменологической герменевтике Хайдеггера. В ней делается попытка рассматривать значение в перспективе фактической жизни как производное от повседневного взаимодействия с окружающим миром. В центр исследования помещаются практики и обыденные опыты в их конкретности, а не жизнь чистого сознания. В прочитанных в 1920-е гг. Хайдеггером курсах формируется реляционная концепция значения, в которой подчеркивается экстерналистский и функциональный характер значения³. Для прояснения самой концепции обратимся к следующим аспектам: 1) понятие смысла в докторской диссертации Хайдеггера; 2) оригинальная трактовка феноменологического метода; 3) концептуализация значения в контексте идеи фактичности и соответствующего понимания мира и человека.

Анализ понятия «Смысл» в работе «Теория суждения в психологизме. Критически-позитивный вклад в логику» (1913)

Философское мышление Хайдеггера формировалось на пересечении идей Аристотеля, средневековой схоластической логики и феноменологии, поэтому его обращение к вопросам смысла тесно связано с онтологической проблематикой⁴. В своей докторской диссертации философ продолжает ранее начатую работу по опровержению критического реализма, а также становится на позиции антипсихологизма вслед за Гуссерлем⁵. Он исходит из определения логического, в частности и логики, и мышления вообще как чистой обособленной сферы, обладающей собственным онтологическим статусом⁶.

³ Этот период творчества Хайдеггера привлекает внимание исследователей с момента публикации основных лекционных курсов в 80-х гг. Среди недавних работ интерес представляет «Феноменология возможного» Ф. де Лара, в которой рассматриваются основные методологические аспекты ранних лекционных курсов: *Lara F. de. Phänomenologie der Möglichkeit: Grundzüge der Philosophie Heideggers 1919–1923. Freiburg; München, 2008. S. 21–56.* Помимо этого стоит отметить работу Ф. Кесне «Философские исследования молодого Хайдеггера», в которой ранние герменевтические мотивы сопоставляются с его логическими исследованиями, предшествующими оформлению концепции герменевтики фактичности: *Quesne P. Les recherches philosophiques du jeune Heidegger. Dordrecht, 2003.* Среди русскоязычных работ следует отметить работу И.А. Михайлова, в которой рассматривается становление мысли Хайдеггера до 1925 г.: *Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М., 1999.*

⁴ *Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию // Логос. 1995. № 6. С. 303.*

⁵ Подробный обзор ранних логических работ Хайдеггера см.: *Steinmann M. Die Offenheit des Sinns: Untersuchungen zu Sprache und Logik bei Martin Heidegger. Tübingen, 2008. S. 11–122.*

⁶ Проблема логики занимает важное место в философии Хайдеггера и связана с его стремлением провести границу между научным, опредмечивающим отношением и философской установкой. Анализу критики Хайдеггером логики посвящена статья А. Паткуля «Деструкция логики в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера». В статье показано, как в фундаментально-онтологический период философ занят обоснованием онтологической укорененности логики в структуре бытия. См.: *Паткуль А.Б. Деструкция логики в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Историко-философский ежегодник'2014. М., 2014. С. 131–155.*

Для понимания дальнейшего развития концепции важно обратить внимание на то, как Хайдеггером определяется смысл в этот период. Смысл есть «суждение логики»⁷, но суждение понимается здесь не как психический акт, а как чистая логическая форма⁸. Смысл есть «структура», обуславливающая саму «сущность суждения»⁹. Содержание этой структуры формулируется следующим образом: «некоторая часть предмета имеет значение»¹⁰ или же «не-что посредством чего-то захватывается, определяется»¹¹. Например, суждение «переплет книги [есть] желтый» Хайдеггер предлагает интерпретировать как «быть-желтым переплета имеет значение». Поскольку захватывание или овладение предполагает отношение, то смысл характеризуется как «содержащий отношение» (*relationshaltig*). Что подразумевается под выше упомянутым «не-что»? Хайдеггер называет это содержанием значения (*Bedeutungsgehalt*), которое, в свою очередь, соотносится с другими содержаниями значения. Таким образом, отношения смысла – это отношения между содержаниями значения, а не предметами, эмпирическими аспектами предмета или конкретными восприятиями. Из совокупности этих отношений складывается общее пространство смысла. Такая трактовка смысла получит развитие в последующих работах, в которых термин «смысл» (*Sinn*) будет заменен на значение (*Bedeutung*), а единое пространство смысла будет называться значимостью (*Bedeutsamkeit*)¹².

Также стоит отметить попытку анализа значения слова путем анализа обыденного словоупотребления и конкретной практики словоупотребления. Так, Хайдеггер упоминает предпринимателя, планирующего некоторое дело и проходящего к выводу о том, что проект «бессмысленный», в то время как некто может говорить об «осмысленном произведении искусства», даже если само употребление слова оказывается не совсем подходящим¹³. Такое особым образом понятое феноменологическое всматривание, нацеленное на выявление в языке бытийных структур, будет играть все большую роль в методе Хайдеггера.

В последующих лекционных курсах осмысление феноменологического метода становится одной из центральных тем для философа. Относительно степени воздействия учения Гуссерля на развитие Хайдеггера существуют различные мнения, однако очевидно, что освоение феноменологического метода влияет на изменение трактовки Хайдеггером понятий значения и смысла.

Феноменологический метод по версии Хайдеггера

Для того чтобы сформулировать специфику хайдеггеровской феноменологической интерпретации значения и смысла, необходимо обратиться к исходным тезисам Гуссерля. В «Логических исследованиях» знак понимается как «выражение, имеющее значение»¹⁴. Гуссерль предлагает различать переживание восприятия знака (его чувственных форм) и содержания знака, которое

⁷ *Heidegger M. Die Lehre vom Urteil im Psychologismus // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 1. Frankfurt a/Main, 1978. S. 172.*

⁸ *Ibid. S. 174.*

⁹ *Ibid. S. 175.*

¹⁰ «Etwas von einem Gegenstand gilt» (*ibid. S. 175*).

¹¹ «Etwas wird durch etwas bemächtigt, bestimmt» (*ibid.*).

¹² Традиционное различие между значением (*Bedeutung*, то есть предметом, к которому отсылает некоторый знак) и смыслом (*Sinn*, то есть способом данности этого предмета), введенное Фреге в статье «О смысле и значении» в 1892 г., Хайдеггером не используется.

¹³ *Heidegger M. Die Lehre vom Urteil im Psychologismus. S. 171.*

¹⁴ *Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М., 2011. С. 35.*

отсылает к другому существу, то есть к тому, что, собственно, знак и выражает, как поясняет автор, к тому, что является его значением или – в скобках – смыслом. С точки зрения содержания можно говорить об акте придания значения, т. е. о соединении знака с некоторым представлением, а также об исполнении значения, то есть об «актуализации предметного отношения». Важно то, что Гуссерль анализирует значение с точки зрения его конституирования в сознании, т. е. источник значения понимается интерналистски.

Хайдеггер понимает знак как определенный способ бытия сущего, основу которого философ видит в особой структуре отсылок¹⁵. Знаки – подручно внутримирные предметы, которые служат для «аппрезентации, актуализации (gegenwärtigen) локальной констелляции момента»¹⁶. Иными словами, телефон издает звук, мы понимаем этот звук как знак того, что кто-то звонит, и ситуация уже понимается нами как ситуация звонка. Сама эта возможность понимать нечто как нечто, звук как звонок, как приятный или неприятный, знакомый, тот, с которым связаны воспоминания или привычки, а не как нейтральное колебание звуковых волн, обусловлено структурой мира как взаимосвязью отсылок, в которой предметы или восприятия вписаны в контекст действия и понимаются из этого контекста. Таким образом, источник знака и функции означивания находятся в бытийной структуре¹⁷.

Критика Хайдеггером гуссерлевой позиции, т. е. представления о конституировании значения в сознании, затрагивает два аспекта. Во-первых, феноменология Гуссерля игнорирует и не вскрывает исходные экзистенциальные структуры, к которым Хайдеггер обращается в своем анализе¹⁸. Во-вторых, ставится под сомнение характерное для Гуссерлевой феноменологии наивное понимание непосредственной данности и соответствующее определение феноменологического усмотрения сущности. Хайдеггер указывает на скрытые за требованием непосредственности теоретические предпосылки. Действительную «непосредственность», согласно философу, стоит понимать скорее от противоположного: в непосредственности мне не даны отдельные ощущения или чувственные данные, тем более они не даны сознательно¹⁹. Я могу видеть цвет или геометрическую форму предмета, но только как часть связности значений (Bedeutungszusammenhang). Любая другая данность – результат теоретического объективирования или «отживания» (Entleben), в противоположность переживанию (Erleben)²⁰. Переживание, которое попадает в поле

¹⁵ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt a/Main, 1979. S. 280.

¹⁶ Ibid. S. 281.

¹⁷ Интересно отметить, что Хайдеггер и в 1927 г. рассматривает свой анализ бытийной структуры знака как продолжение начатой Гуссерлем в «Логических исследованиях» работы по анализу знака. См.: Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 58: Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt a/Main, 1993. S. 263. Сам Гуссерль считал идеи Хайдеггера отходом от феноменологии.

¹⁸ По этому поводу В.И. Молчанов отмечает, что «критика Хайдеггера направлена в данном случае на то, что у Гуссерля само “возвращение взгляда” не рассматривается и остается непроясненным. Как бы Гуссерль ни детализировал понятие феноменологической редукции, для него редукция – это всегда переориентация всей сферы сознания в целом, это переход к рефлексивной позиции, исходный пункт для которой (вид предметности) безразличен. Для Хайдеггера редукция имеет один предмет и, соответственно, одно направление: способ существования человека и отличие его от способа существования любых “наличных” или “сподручных” предметов» (Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 170).

¹⁹ Heidegger M. Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 56/57. Frankfurt a/Main, 1987. S. 83.

²⁰ Ibid. S. 91.

рефлексии, есть уже переживание «увиденное» (erblicktes), т. е. некоторым образом искаженное взглядом со стороны. Задача Хайдеггера – преодолеть эту проблему.

Претензия феноменологии состояла в том, чтобы суметь увидеть то, что скрывается от взора естественной установки, иными словами, это была попытка радикальным образом изменить способ смотрения. Но, если принять точку зрения Хайдеггера, феноменологии удалось лишь обозначить новый регион исследования, однако метод, который для этого был использован, оставался генетически родственным классическому теоретизированию²¹. Суметь по-новому взглянуть на вещи, с точки зрения Хайдеггера, – значит обратиться к миру повседневности.

Понятие значения в феноменологической герменевтике Хайдеггера

Повседневность представляет для философа особый интерес, поскольку именно в ней он видит исходную непосредственность, которая была изначальной целью феноменологии. Внимание направлено на человека во «всякий раз моей» (jeweilig) ситуации в его обычной (durchschnittlich) повседневности. Непосредственность мира состоит в том, что он как совокупность уже заранее понятых способов обхождения и использования «раскрыт» и «показывает себя».

Феноменологический постулат «назад к вещам» в идеях Хайдеггера получает практически буквальное толкование: вещи определяются философом как показывающие сами себя феномены²². Поскольку «способу бытийствования в качестве предмета»²³ не предшествует опосредованное наблюдение, феномену приписывается «особенный способ бытийствования», а именно «присутствие предмета из него самого». То есть феномен понимается как самостоятельный источник конституирования собственной предметности, которая не опосредуется «сущностным усмотрением». При этом феномен показывает себя, будучи частью функционального мира (в ранних текстах это мир работы, *Werkwelt*²⁴). Таким образом, в отличие от феноменологического толкования непосредственности как очищенности от эмпирического, у Хайдеггера она определяется отсутствием дополнительных опосредующих агентов между вещью и способами ее использования, например инструкции по применению или теоретического объяснения. Целостность такого функционального мира, которая становится обстоятельствами экзистенции человеческого здесь-бытия (*Dasein*), называется фактичностью.

Фактическая жизнь или фактичность, как пишет Хайдеггер, «это обозначение бытийного характера “нашего” “собственного” *Dasein*», «... всякий раз этого *Dasein*, поскольку оно, соответствуя бытию, есть здесь в своем бытийном характере»²⁵. Фактичность не может быть предметом чувственного созерцания или знанием о нем, но представляет собой «здесь-

²¹ О различии методов Хайдеггера и Гуссерля см.: Херманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск, 2000. С. 37–39.

²² Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 63: *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)*. Frankfurt a/ Main, 1988. S. 67.

²³ Ibid.

²⁴ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20. S. 272.

²⁵ Ibid. Bd. 63. S. 7.

бытие для самого себя в способе своего собственного бытия»²⁶. Фактичность представляет собой определенного рода бытийную структуру, в которой здесь-бытие, т. е. включенное в конкретные обстоятельства своей ситуации существо, относится к этому способу своего существования, или же: «фактично, значит, нечто, что из определенным образом сущего артикулирует бытийный характер самого себя и таким образом “есть”»²⁷. Иными словами, в этом определении указывается специфичность человеческого существования, которая состоит в том, что, как и любое сущее, оно описывается как здесь-бытие, будучи вписано в некоторую ситуацию, но в реализации и исполнении своего существования оно показывает себя (как и любой феномен), но показывает себе самому²⁸. Поэтому для достижения исходного чистого «смотрения» любое опосредование, как, например, искусственные теоретические конструкции и категории, оказывается излишним. Сущее – это то, что есть, бытийствует; в том способе, которым нечто есть, в том, как нечто бытийствует, показывает себя бытие. Познавая бытие таким образом, субъект якобы не создает некоторый интеллигибельный экстракт сущего, поскольку бытие, абстрагированное от сущего, перестало бы быть бытием²⁹.

Хайдеггер обращается к исследованию предмета в его погруженности в мир, во всей полноте дотеоретического взаимодействия, т. е. с точки зрения его обыденных, повседневных функций. Определяя мир как «то, что встречается»³⁰ и «озаботившее» (*Besorgte*), автор подводит к новой перспективе рассмотрения: интересу к объективному отражению предметов противопоставляется исследование обыденного взаимодействия с ними, из которого эксплицируется «как» (*Wie*) бытия, то есть непосредственно их способ существования. Поэтому философ отказывается от теорий, которые претендуют на анализ предметов в их объективности, так как и мир было бы невозможно рассматривать как некоторую объективно существующую данность. Мир – в первую очередь, то, к чему человек имеет непосредственное отношение; мир – это озаботившее, которое «показывает себя как то, из чего живет фактическая жизнь»³¹. В термине «озаботившее» сосредоточена вся совокупность способов дотеоретического, повседневного взаимодействия с сущим. Определяя фактическую жизнь как

²⁶ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 63. S. 7.

²⁷ Ibid.

²⁸ Разомкнутость или понятность вещей повседневного мира вытекает из того способа, которым Хайдеггер определяет человеческое существо как существо, имеющее «онтологическую склонность понимать всякое бытие, в том числе и свое, как бытие в наличии, как действительное «есть». В статье А.Б. Паткуля дается анализ двух способов понимания, несобственного и собственного, приписываемых Хайдеггером *Dasein*, и обсуждается возникающая в связи с этим различием специфика понятия субъективности: Паткуль А.Б. Деструкция идеи субъективности в онтологии М. Хайдеггера // Науковий вісник Чернівецького університету. 2014. Вип. 706–707: Філософія. С. 177–182.

²⁹ В курсе «Введение в феноменологическое исследование» 1921/22 г. Хайдеггер определяет бытие как то, что познается в вещах и как «принципиальное» в сущем, которое не следовало бы понимать как «всеобщее» или «высший род»; бытие – это «то, о чем идет речь на подступах к сущему», и то, что схватывается как «смысл бытия». Таким образом, философ не только снимает налет трансцендентализма с феноменологии, делая феномен в его феноменальности центральным предметом рассмотрения, но и главную категорию онтологии переосмысляет в имманентистском ключе. См.: Heidegger M. Einführung in die phänomenologische Forschung // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 61. Frankfurt a/Main, 1985. S. 58.

³⁰ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 63. S. 85.

³¹ Ibid. S. 86.

«живущую из» (aus)³², Хайдеггер предполагает, что это «из» «дает феноменологическое обоснование для понимания бытия «в» мире, т. е. исходной интерпретации возникающего здесь феномена фактической пространственности и бытия в нем»³³. Таким образом, Dasein или здесь-бытие, характером которого является экзистенция, т. е. буквально «выход из», первоначально погружено «в» то, из чего экзистирует, а это и есть мир.

В науке знакомство с предметом начинается с описания его объективных физических характеристик: высоты, цвета, формы, материала. Хайдеггер предлагает взглянуть на вещь из повседневных взаимоотношений с ней и приводит примеры из обыденной жизни: стол стоит в комнате лучше, чем раньше, он больше освещен, на нем остались штрихи от детского рисования, за ним вечерами вышивает женщина, было отпраздновано такое-то событие. Все эти аспекты носят «характер встречи» (Begegnischarakter)³⁴. Это значит, что мы понимаем предмет не объективно, как предмет сам по себе, вне условий, в которых он находится, но как феномен из его сопринадлежности другим феноменам мира, в которой он показывает сам себя. Таким образом, если и может быть осуществлено познание предмета «как он есть», средством для этого служит не адаптация взгляда исследователя, отказ от предрассудков и ориентация на усмотрение сущности, но обращение к предмету в его феноменальности, в том, как предмет показывает себя; при этом необходимо заметить, что сам принцип «как он есть» меняет свое значение и отсылает теперь не к предельному чистому знанию, а к предмету в его фактичном существовании. Из сопринадлежности предметов друг другу возникает представление о мире, который Хайдеггер также называет окружающей средой (Umwelt) или окружающим [контекстом] (Umhaftes), так как для здесь-бытия по сути и невозможен мир как мир вообще, на который субъект смотрит извне. Бытие человека – это бытие исключительно в мире, а мир – это то, что окружает.

Поскольку мир понимается изначально как некоторая неопределенная понятность или осведомленность (Vertrautheit)³⁵, то первичным отношением человека оказывается не знание объективированного предмета или «сведения о», но соотносительность с миром, что синонимично изначальной понятности возможных способов взаимодействия. Значения обусловлены бытийной структурой мира; содержание значения, т. е. конкретные способы взаимодействия и использования, обусловлены всякий раз данной ситуацией. «Значение – то, как понимающей заботе встречается понятное»³⁶. Но в то же время значение не стоит трактовать как способ быть схваченным (erfassen)³⁷, выраженным в понятии. Для Хайдеггера в понимающем отношении к миру речь идет не об интеллектуальном понимании, но об умении управляться с подручным.

Сущее для человека обладает значимостью (Bedeutsamkeit), которая имеет бытийный характер. Для человека мир вещей как совокупность феноменов уже определенным образом понят и предстает как «для чего-то» (Dafür und Dazu)

³² Объяснение этому может быть дано на основании более подробных рассуждений в «Бытии и времени». Так, говоря о временности как структуре здесь-бытия, Хайдеггер перечисляет аспекты временности и называет их «экстазами», т. е. «выходами из». На основании значений лагинского глагола *exstare* – «выдаваться» и «существовать» – философ трактует существование как «выход из».

³³ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 63. S. 86.

³⁴ Ibid. S. 91.

³⁵ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20. S. 286.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 287.

пригодное. Иными словами, сущее получает значение как «бытие, здесь-бытие как определенное встреченное означивание (Be-deutens)»³⁸. Так же как и человек, относительно которого Хайдеггер использует термин *Dasein* (человек существует в конкретной ситуации «здесь»), любая вещь представляет собой здесь-бытие, сопринадлежащее другим феноменам; она определенным образом истолковывается человеком, когда попадает в горизонт его существования как встречное; будучи истолкованной внутри ситуации, вещь получает значение. Из этого следует, что под истолкованием имеется в виду не дискурсивная практика, а дотеоретическое понимание того способа, которым используется вещь, значение же, в свою очередь, является не абстрагированной объективной сущностью вещи, но результатом ее означивания как истолкования в конкретной ситуации.

В строгом смысле Хайдеггер говорит о значимости (*Bedeutsamkeit*), а не об отдельных значениях³⁹. Это значит, что мир представляет собой скорее сплошную среду отсылок, нежели дискретные значения чувственно воспринятых единичных предметов. Под значимостью в этом смысле не подразумевается надделение предмета какой-либо особой ценностью, подчеркивает Хайдеггер, разграничивая собственный анализ и идеи неокантианства. Он не выделяет значимость в отдельную сферу, как в случае с ценностями, которые не существуют, но значат (*gelten*), как это предлагал Риккерт, понимавший ценности в качестве отдельных сущностей с присущим им способом бытийствования. Значимость, с одной стороны, имплицитно содержится в бытии-в-мире, с другой стороны, генезис значения может быть эксплицирован следующим образом: решающим оказывается опыт встречи подручного, которое себя о-значивает в контексте всякий раз моей (*jeweilig*) фактичности.

Специфика феноменологической трактовки Хайдеггером понятия «значение» состоит в следующем:

– исходная ситуация человека – это имение дела с предметами в их раскрытости, предметы трактуются как феномены, показывающие сами себя;

– значение эксплицируется как уже каким-то образом понятые способы конкретных опытов взаимодействия с предметностью, которые происходят из структуры мира как бытия-в-мире, то есть совокупности отсылок;

– значения образуют непрерывную среду, которая именуется значимостью и является первичным дорефлексивным контекстом, который и служит пространством действия;

– мир уже изначально показывает себя и потому является исходным контекстом, в котором впервые становится возможным вторичное теоретическое разделение на опыт «беспредпосылочный» и противопоставленный ему опыт, основанный на «предмнениях».

Таким образом, источник значения не может быть приписан ни субъекту, ни объекту. Человек истолковывает предмет, а именно определенным образом обходится с ним, исходя из «целостности имения дела» (*Bewandtnisganzheit*), из фактичности, иными словами, сама возможность истолкования обусловлена включенностью человека в мир⁴⁰. С другой стороны, предмет не содержит

³⁸ *Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 63. S. 96.* Или: «Значимость понятна лишь из в ней находящейся разомкнутости, из которой встречающееся себя о-значивает [ис-толковывает] в том, что встречается, и таким образом проталкивается в “здесь”» (*ibid. S. 96*).

³⁹ Ф.-В. фон Херманн отмечает, что «значения имеются раньше [слов] постольку, поскольку они первоначально принадлежат целостности значений» (*Херманн Ф.-В. фон. Фундаментальная онтология языка. Минск, 2001. С. 55*).

⁴⁰ В этом смысле нельзя согласиться с анализом Дж. Кокельманса, который интерпретирует хайдеггеровского человека исключительно в активистском ключе, как «существо, придающее значения» (*Kockelmans J. Language, Meaning and Ek-sistence // On Heidegger and Language. Evanston, 1972. P. 9–10*).

в себе раз и навсегда однозначно эксплицированное значение. Реляционная концепция значения предполагает следующее: значение – это отношение, формирующееся каждый раз из специфической ситуации.

Развитие философской герменевтики в современной мысли

Как известно, одним из слушателей курсов, в которых Хайдеггер излагал свою трактовку значения, был Г.-Г. Гадамер, автор работы «Истина и метод», в которой вводится понятие философской герменевтики и формулируются основные положения концепции. Можно ли согласиться с тезисом М. Гессманна о смерти философской герменевтики? В манифесте «Будущее герменевтики» (2014), который подытоживает материалы сборника «Справочник по герменевтике» издательства Routledge, Дж. Ваттимо не только не сомневается в наличии будущего у философской герменевтики, но предлагает амбициозную стратегию построения этого будущего, которая выведет на сцену политическую или экзистенциальную ответственность⁴¹. Иными словами, предполагается, что философская герменевтика должна перерасти границы отдельной философской дисциплины или школы и стать жизненной установкой, которая определяла бы действия человека.

Следует заметить, что этические импликации присутствовали в философской герменевтике уже в работах самого Гадамера, для которого понимание является «формой реализации человеческой социальной жизни»⁴². Поэтому закономерным можно назвать как намечаемый Ваттимо план развития, так и менее радикальные версии, обзор которых представлен далее. Можно утверждать, что Гессманн скорее поспешил с выводом о том, что философская герменевтика приблизилась к пику своего развития и тем самым исчерпала себя, принимая форму некоторой систематически организованной доктрины (по крайней мере, автор такой тезис выдвигает). Наряду с постоянно обновляющимся корпусом исследовательской литературы можно выделить целый ряд оригинальных философских высказываний, авторы которых опираются в первую очередь на метод герменевтики. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с работами Г. Фигаля и Х.-Х. Гандера, которые, с одной стороны, следуют ранним Хайдеггеру и Гадамеру и тем самым продолжают традицию, а с другой стороны, признают этический элемент философской герменевтики.

Так, в своей диссертации «Самопонимание и жизненный мир. Основные идеи феноменологической герменевтики исходя из Гуссерля и Хайдеггера» (*Selbstverständnis und Lebenswelt. Grundzüge einer phänomenologischen Hermeneutik im Ausgang von Husserl und Heidegger*, 2001) немецкий философ Х.-Х. Гандер предпринимает попытку развить концепцию герменевтики фактивности раннего Хайдеггера. Сосредотачиваясь на таких традиционных для феноменологии и герменевтики понятиях, как «Я», жизненный мир, опыт, история и понимание, он показывает, почему феноменология Гуссерля оказывается недостаточной для разъяснения взаимосвязи понимания и жизненного мира и почему, в свою очередь, хайдеггеровская герменевтика нуждается в феноменологическом дополнении. Гуссерль делает выбор в пользу исследования чистого сознания и потому, согласно автору, упускает из виду

⁴¹ *Vattimo G. Conclusion: The Future of Hermeneutics // The Routledge Companion to Hermeneutics. L.; N. Y., 2014. P. 722.*

⁴² *Gadamer H.-G. Replik zu Hermeneutik und Ideologiekritik // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 2. Tübingen, 1993. S. 255.*

контингентность ситуации познающего субъекта, что не позволяет философу соответствовать заявленному им самим требованию «назад к вещам», то есть назад к состоянию беспредпосылочного знания. Иными словами, Гуссерль как будто не замечает, что фундаментальной предпосылкой любого познания является неустранимая укорененность человека в конкретной жизненной ситуации. Хайдеггер, по мнению автора, совершает переход к фактичности, которую Гуссерль упустил из вида. В определение Хайдеггером человека включаются историчность и конечность, т. е. черты, которые не учитывались в феноменологической трактовке, но именно они определяют своеобразие человека как такового.

Собственный вклад Х.-Х. Гандера заключается в том, чтобы применить концепцию герменевтики фактичности для анализа самой философии Хайдеггера и тем самым показать, как идея экзистенциального самопонимания и самоистолкования реализуется на практике. В 1920-е годы Хайдеггер формулирует определенную антропологию, базовая предпосылка которой состоит в утверждении о том, что человек представляет собой процесс непрерывной реализации понимания, исходя из конечной и историчной ситуации своего ближайшего фактического мира. Ключевые слова «самопонимание» и «самоистолкование» должны послужить окончательным ответом на вопрос «что такое человек?»⁴³. Ситуативность, которая наследует хайдеггеровской идеи фактичности как совокупности значений предметов подручного мира, определяет условия, в которых реализуется это самопонимание. В противовес герменевтике фактичности, т. е. истолкованию близкого окружающего мира и себя в нем, которое неотъемлемо присуще человеку по его сущности, Х.-Х. Гандер вводит понятие «феноменологической герменевтики» как герменевтики второй степени. Это герменевтика, т. е. истолкование и понимание, направлена на понимание человеком самого себя в собственном понимании. Таким образом, предметом рассмотрения становится не «что», а «как». Феноменологическая герменевтика представляет собой определенного рода установку наблюдения, предметом внимания которой становится способ, которым реализуется понимание как особое исполнение жизни⁴⁴. При этом такая рефлексивная установка не объективирует наблюдаемое, трансформируя пережитое (*Erlebnis*) в отжитое (*Entlebnis*), как это происходит в науке, но как бы проживает его вместе с изначальным проживанием смысла жизни.

Очевидно, что для самого Хайдеггера герменевтика фактичности как антропология не была конечной целью философского проекта, и самоосмысление, т. е. идея и требование понимающего взгляда, направленного на понимание как исполнение жизни, уже присутствует в размышлениях философа. Поэтому, говоря о феноменологической герменевтике, Х.-Х. Гандер, на наш взгляд, посредством эксплицитного проговаривания, систематизации и введения понятийного аппарата адаптирует и передает идеи, которые уже были выражены самим Хайдеггером в чрезвычайно концентрированном виде.

⁴³ Сама необходимость поиска ответа на этот вопрос обусловлена контекстом, в котором работает Хайдеггер, или соответствующей ситуацией, говоря языком самого Хайдеггера. Этот контекст задан, с одной стороны, вопросом о методе в философии, поэтому в 20-х гг. Хайдеггер активно полемизирует с феноменологией и неокантианцами, а с другой стороны, вытекающим из первого вопросом о том, как понимать сущность человека как существа, способного заниматься философией. В перспективе этой проблематики Хайдеггер пытается отмежеваться от религиозной традиции, в которой он первоначально формировался как мыслитель, и одновременно указать на слабости философской антропологии, которая начинает активно развиваться в этот период.

⁴⁴ *Gander H.-H. Selbstverständnis und Lebenswelt: Grundzüge einer phänomenologischen Hermeneutik im Ausgang von Husserl und Heidegger. Frankfurt a/Main, 2001. S. 235–236.*

Г. Фигаль в ряде своих работ формулирует концепцию герменевтической философии. Оставаясь верным основным предпосылкам философской герменевтики, мыслитель пытается дать ответ на вопрос о том, откуда происходит понимание⁴⁵. Следовательно, философская герменевтика должна быть дополнена герменевтической философией, т. е. знанием, которое прояснит и тем самым сделает «прозрачной» саму философскую герменевтику. Такие работы Г. Фигаля, как «Предметность» (*Gegenständlichkeit*, 2006), «Вопросы понимания» (*Verstehensfragen*, 2009), «Вещи-явления. Эстетика как феноменология» (*Erscheinungsdinge. Ästhetik als Phänomenologie*, 2010) могут служить примером реализации герменевтической философии. Основным вопросом, ответ на который ищет автор, становится вопрос о том, как из самопонятности, говоря феноменологическим языком, вещей мы переходим к пониманию, которое представляет собой состояние отделенности от вещей. Для Г. Фигаля язык и понимание подручного (или значимости в терминах раннего Хайдеггера) представляет собой «самостоятельное присутствие»⁴⁶. В тот момент, когда слово являет себя в своем звучании, в реальности звука (*Klangwirklichkeit*), оно являет собственное присутствие. Такой эффект могут производить тексты, которые Гадамер, а за ним и Фигаль, называет выдающимися (*eminent*). Подобную же логику Фигаль применяет и к вещам, которые из простых вещей трансформируются в предметы (*Gegenstände*), то есть поставленные передо мной, в буквальном смысле слов выдающиеся из своего окружения⁴⁷. Благодаря взаимодействию с такого рода предметами человек начинает осознавать, что такое понимание, т. е. выделение переднего плана и фона, различение расстояния (*Abstand*). Посредством эстетического опыта человек получает особое переживание расстояния, которое он затем должен применить к самому себе и своему положению в мире. Тем самым Фигаль повторяет фигуру, предложенную Хайдеггером: в понимании подручных вещей необходимо распознать понимание как характерную черту человеческого существа вообще и перейти к пониманию смысла бытия. В случае Хайдеггера триггером для подобного перехода служит либо ситуация, в которой вещь не исполняет своих подручных функций, либо ситуация отсутствия привычного ощущения вписанности в мир (скука или страх). Фигаль выбирает аргументацию Гадамера, для которого эстетический опыт становится опытом понимания *par excellence*.

Как можно видеть на примере развития идей двух мыслителей, первоначальная проблематика значения и значимости претерпевает существенные изменения. Для самого Хайдеггера, как известно, герменевтика фактичности стала отправным пунктом для концепции фундаментальной онтологии. Философ не стал ограничиваться тематизацией понимания как особой черты человеческого существа, но воспользовался данной проблематикой для перехода к вопросу о смысле бытия. В полном объеме темой философского исследования понимание стало в традиции философской герменевтики. Таким образом, в хайдеггеровской концепции герменевтики фактичности закладываются основания и понятийный аппарат философской герменевтики. Авторы, которые сформировались под влиянием этой философской традиции, могут по-разному называть свои философские проекты. Идет ли речь о феномено-

⁴⁵ *Figal G. Philosophische Hermeneutik – hermeneutische Philosophie. Ein Problemaufriß // Hermeneutische Wege: Hans-Georg Gadamer zum Hundertsten. Tübingen, 2000. S. 342.*

⁴⁶ *Figal G. Vollzugssinn und Faktizität // Figal G. Der Sinn des Verstehens: Beiträge zur hermeneutischen Philosophie. Stuttgart, 1996. S. 42.*

⁴⁷ “Es steht aus seiner Umgebung heraus, hebt sich von dieser ab, und darin erscheint es” (*Figal G. Erscheinungsdinge: Ästhetik als Phänomenologie. Tübingen, 2010. S. 76.*)

логической герменевтике, герменевтической философии, герменевтическом коммунизме (Дж. Ваттимо), для мыслителей характерна общность разделяемых предпосылок, ориентация на проблематику понимания и смысла, связь герменевтики и этики. Это свидетельствует о том, что философская герменевтика – это творение не одного мыслителя, после которого развитие концепции невозможно. Напротив, она представляет собой методологический инструментарий, которым продолжают пользоваться для осмысления актуальных философских проблем.

Список литературы

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. I: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 565 с.

Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 284 с.

Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. 456 с.

Паткуль А.Б. Деструкция идеи субъективности в онтологии М. Хайдеггера // Науковий вісник Чернівецького університету. 2014. Вип. 706–707: Філософія. С. 177–182.

Паткуль А.Б. Деструкция логики в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Историко-философский ежегодник '2014. М.: Канон+, 2014. С. 131–155.

Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию / Пер. с нем. В.В. Анашвили // Логос. 1995. № 6. С. 303–309.

Херманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Пер. с нем. И.Н. Инишева. Минск: Пропилеи, 2000. 192 с.

Херманн Ф.-В. фон. Фундаментальная онтология языка / Пер. с нем. И.Н. Инишева. Минск: ЕГУ, 2001. 168 с.

Figal G. Erscheinungsdinge: Ästhetik als Phänomenologie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 304 S.

Figal G. Philosophische Hermeneutik – hermeneutische Philosophie. Ein Problemaufriß // Hermeneutische Wege: Hans-Georg Gadamer zum Hundertsten / Hrsg. von G. Figal, J. Grondin und D. Schmidt. Tübingen: Mohr, 2000. S. 335–344.

Figal G. Vollzugssinn und Faktizität // *Figal G.* Der Sinn des Verstehens: Beiträge zur hermeneutischen Philosophie. Stuttgart: P. Reclam, 1996. S. 35–44.

Gadamer H.-G. Replik zu Hermeneutik und Ideologiekritik // *Gadamer H.-G.* Gesammelte Werke. Bd. 2. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1993. S. 251–275.

Gander H.-H. Selbstverständnis und Lebenswelt: Grundzüge einer phänomenologischen Hermeneutik im Ausgang von Husserl und Heidegger. Frankfurt a/Main: Klostermann, 2001. 402 S.

Gessmann M. Zur Zukunft der Hermeneutik // Philosophische Rundschau. 2010. Bd. 57. S. 125–153.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 24: Die Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1975. 474 S.

Heidegger M. Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem // *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 56/57. Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1987. S. 215–220.

Heidegger M. Die Lehre vom Urteil im Psychologismus // *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 1. Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1978. S. 59–188.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 58: Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1993. 274 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 63: Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1988. 116 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 61: Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles. Einführung in die Phänomenologische Forschung. Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1985. 204 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt a/Main: Vittorio Klostermann, 1979. 448 S.

Kockelmans J. Language, Meaning and Ek-sistence // On Heidegger and Language / Ed. by J. Kockelmans. Evanston: Northwest University Press, 1972. P. 3–33.

Lara F. de. Phänomenologie der Möglichkeit: Grundzüge der Philosophie Heideggers 1919–1923. Freiburg; München: Alber, 2008. 236 S.

Quesne P. Les recherches philosophiques du jeune Heidegger. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2003. 252 p.

Steinmann M. Die Offenheit des Sinns: Untersuchungen zu Sprache und Logik bei Martin Heidegger. Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. 415 S.

Vattimo G. Conclusion: The Future of Hermeneutics // The Routledge Companion to Hermeneutics / Ed. by J. Malpas & H.-H. Gander. L.; N. Y.: Routledge, 2014. P. 721–728.

Phenomenological interpretation of the term ‘Meaning’ in early Heidegger

Alexandra V. Makurova

Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, 39 Friedrichstr., Freiburg, 79098, Bundesrepublik Deutschland;
e-mail: alexandra.makurova@gmail.com

This paper offers an analysis of Heidegger’s view of the notion of meaning, including a survey of his attempts to approach this problem which preceded the theory of meaning (*Bedeutung*) as elaborated in his early lecture courses. The problem of sense (*Sinn*) arises already in his dissertation of 1913 on the judgment in psychologism, and then undergoes a significant conceptual change in the late ‘10s / early ‘20s. At first Heidegger, in his critique of psychologism, reflects over the problem of meaning (*Bedeutung*) from the standpoint of pure logic, but already toward early 20s he significantly modifies his understanding of the phenomenological method, which also affects his approach to meaning. Starting with the idea of meaning as a logical form of judgment which expresses, for the speaker, the validity (*Geltung*) of a state of affairs, Heidegger then switches to a new understanding of meaning, namely, as a pre-verbal experience of interaction with objects that belong to particular life circumstances. While trying to consistently follow the phenomenological ‘principle of presuppositionlessness’, Heidegger comes to a conclusion that the authentic presuppositionlessness is only possible as an experience of everyday life. Facticity or factual life is exactly the mode in which one can achieve access to meaning. Thus an original interpretation of phenomenological method brings Heidegger to a new conception of meaning.

Keywords: meaning, sense, phenomenology, phenomenological hermeneutics, Heidegger, Gadamer, philosophical hermeneutics

References

Figal, G. “Philosophische Hermeneutik – hermeneutische Philosophie. Ein Problemaufriß”, *Hermeneutische Wege: Hans-Georg Gadamer zum Hundertsten*, hrsg. von G. Figal, J. Grondin und D. Schmidt. Tübingen: Mohr, 2000, S. 335–344.

Figal, G. “Vollzugssinn und Faktizität”, in: G. Figal, *Der Sinn des Verstehens: Beiträge zur hermeneutischen Philosophie*. Stuttgart: P. Reclam, 1996. S. 35–44.

Figal, G. *Erscheinungsdinge: Ästhetik als Phänomenologie*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 304 S.

- Gadamer, H.-G. "Replik zu Hermeneutik und Ideologiekritik", in: H.-G. Gadamer, *Gesammelte Werke*, Bd. 2. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1993, S. 251–275.
- Gander, H.-H. *Selbstverständnis und Lebenswelt: Grundzüge einer phänomenologischen Hermeneutik im Ausgang von Husserl und Heidegger*. Frankfurt am Main: Klostermann, 2001. 402 S.
- Gessmann, M. "Zur Zukunft der Hermeneutik", *Philosophische Rundschau*, 2010, Bd. 57, S. 125–153.
- Heidegger, M. "Moi put' v fenomenologiyu" [My Way to Phenomenology], trans. by V. V. Anashvili, *Logos*, 1995, No 6, pp. 303–309. (In Russian)
- Heidegger, M. "Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem", in: M. Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd. 56/57. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1987, S. 215–220.
- Heidegger, M. "Die Lehre vom Urteil im Psychologismus", in: M. Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd. 1. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1978, S. 59–188.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 24: Die Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1975. 474 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 58: Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1993. 274 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 63: Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1988. 116 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 61: Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles. Einführung in die Phänomenologische Forschung. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. 204 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. 448 S.
- Hermann, F.-W. von. *Fundamental'naya ontologiya yazyka* [Fundamental Ontology of Language], trans. by I. N. Inishev. Minsk: EGU Publ., 2001. 168 pp. (In Russian)
- Hermann, F.-W. von. *Ponyatie fenomenologii u Khaideggera i Gusserlya* [The Notion of Phenomenology in Heidegger and Husserl], trans. by I. N. Inishev. Minsk: Propilei Publ., 2000. 192 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya*, T. II, Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya [Logical Investigations, Vol. 2. Pt. 1: Investigations in Phenomenology and Knowledge], trans. by V. I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 565 pp. (In Russian)
- Kockelmans, J. "Language, Meaning and Ek-sistence", *On Heidegger and Language*, ed. by J. Kockelmans. Evanston: Northwest University Press, 1972, pp. 3–32.
- Lara, F. de. *Phänomenologie der Möglichkeit: Grundzüge der Philosophie Heideggers 1919–1923*. Freiburg; München: Alber, 2008. 236 S.
- Mikhailov, I. A. *Rannii Khaidegger: Mezhdru fenomenologii i filosofiei zhizni* [The Early Heidegger: Between Phenomenology and the Philosophy of Life]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1999. 284 pp. (In Russian)
- Molchanov, V. I. *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya* [Research in Phenomenology of Consciousness]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2007. 456 pp. (In Russian)
- Patkul, A. B. "Destruktsiya logiki v fundamentalnoy ontologii Martina Haydeggera" [Destruction of Logic in Martin Heidegger's Fundamental Ontology], *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* 2014. Moscow: Kanon+ Publ., 2014, pp. 131–155. (In Russian)
- Patkul, A. B. "Destruktsiya idei sub"ektivnosti v ontologii M. Khaideggera" [Destruction of the Idea of Subjectivity in M. Heidegger's Ontology], *Naukovii visnik Chernivets'kogo universitetu*, 2014, No. 706–707, pp. 177–182. (In Russian)
- Quesne, P. *Les recherches philosophiques du jeune Heidegger*. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2003. 252 pp.
- Steinmann, M. *Die Offenheit des Sinns: Untersuchungen zu Sprache und Logik bei Martin Heidegger*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. 415 S.
- Vattimo, G. "Conclusion: The Future of Hermeneutics", *The Routledge Companion to Hermeneutics*, ed. by J. Malpas & H.-H. Gander. London; New York: Routledge, 2014, pp. 721–728.